

— Ты почему выглядишь так, будто предавался излишествам?

— ...Ещё хоть слово, и я устрою тебе экскурсию на границу между адом и раем.

Звучало это как-то странно.

Фэн Цзыси слегка поморщился, вид у него был такой, будто его терпение подошло к концу:

— Я устал, буду спать.

— О, тогда ложись. — Лин Цянь после пережитого в прошлой жизни предательства стал каким-то холодным. И подумать только, когда-то он был человеком, относившимся к другим со всей искренностью.

— Да, кстати, не забывай каждый день подпитывать духовный нефрит силой мысли и заодно подкармливать меня парой глотков крови.

Подпитывать нефрит силой мысли — ещё куда ни шло, сойдёт за тренировку ментальной энергии. Но кормить его парой глотков крови — это ещё что за бред?

Лин Цянь знал, что этот мужчина перед ним способен читать его мысли. Хотя это ему и жутко не нравилось, тратить слова на споры он не хотел.

— Потому что я голоден.

Ну так ходи голодным.

— Если я проголодаюсь, то могу потерять сознание.

Прекрасно.

— Потеряв сознание, я могу выпить твою кровь напрямую.

...

— А когда я напьюсь твоей кровью, то запросто не смогу остановиться.

.....

— В конце концов, от тебя так вкусно пахнет.

Лицо Лин Цяня покрывалось трещинами сантиметр за сантиметром. Он застыл с каменным выражением лица, уставившись на этого писаного красавца с чёрными волосами и в чёрных одеждах, и в глубине души впервые зароптал: ему до смерти захотелось, чтобы один конкретный человек просто исчез.

— Какая жалость, что убить меня ты не сможешь.

...

— И между прочим, если не хочешь, чтобы я снова слышал твои мысли, лучше как следует развивай силу мысли, чтобы защитить свой мозг.

Без тебя знаю!

— К тому же твоя внутренняя жизнь слишком бурная. Мне от неё как-то утомляюще.

Когда Лин Цянь наконец не выдержал, бросился вперёд и попытался вонзить ментальное острие прямо в Фэн Цзыси, тот в мгновение ока обратился в чёрный туман.

— С какой стати я должен содержать тебя и твой паршивый камень?! — взревел Лин Цянь, глядя на лежавший на столе нефрит.

— Скоро сам всё поймёшь.

Нефрит внезапно взмыл в воздух, уменьшаясь, уменьшаясь и уменьшаясь, пока наконец не защемился у Лин Цяня на мочке уха. Из-за того, что вышло немного тесно, выступила капля крови, которую нефрит тут же впитал.

Он разозлился и уже хотел что-то сказать, как из нефрита донёлся ленивый голос:

— В убытке ты точно не останешься.

Лин Цянь поверил, но если бы он вспомнил эти слова спустя десять лет, то, пожалуй, просто разбил бы этот нефрит вместе с тем мужиком.

К чёрту его бабушку, никакого убытка!

— О, кстати, ты же хотел пространственное сокровище? Это оно и есть. — Тон Фэн Цзыси по-прежнему оставался ленивым, но в нём проскальзывали соблазнительные нотки: — Каким

огромным будет твоё пространство, полностью зависит от меня.

— Будешь послушным — подумаю над тем, чтобы дать тебе чуть больше.

Сказав это, сколько бы Лин Цянь ни звал Фэн Цзыси, обитатель камня больше не подавал признаков жизни.

Лин Цянь подавил бушевавший в груди гнев, глубоко вздохнул пару раз и наконец успокоился. Он обернул силой мысли уменьшенный нефрит на мочке уха, который теперь походил на обычную серьгу, и пронзил его ментальным острием. Перед глазами у него мелькнуло, и даже не открывая глаз, он понял, что его сила мысли перенеслась в другое пространство.

Всё предстаное перед ним поражало воображение.

Один цветок — целый мир, один лист — целое бодхи.

В голове Лин Цяня тут же всплыла эта фраза. Внутри крошечного чёрного нефрита таилась целая вселенная. Неужели это его рук дело?

Лин Цянь потрогал холодный нефрит на ухе и вздохнул.

Вообще-то, всё оказалось даже очень неплохо.

Перед ним расстился поистине полноценный мир: с небом и землёй, на почве даже росли трава и растения, а вдалеке виднелся пруд, на берегу которого примостился изящно построенный бамбуковый домик.

Лин Цянь хотел подойти ближе, но когда он приблизился к двери бамбукового домика, то не смог сделать ни шагу дальше. И тем не менее, сквозь окно домика он разглядел, что на кровати внутри кто-то спит.

Фэн Цзыси?

Почему он не может пройти дальше?

— Не подходи ближе, это моя территория. — Снова раздался этот раздражающе-ленивый голос Фэн Цзыси. — Для тебя это всего лишь хранилище для вещей. На большее даже не рассчитывай.

Это же буквально готовый отдельный мир! После наступления апокалипсиса овощей днём с огнем не сыщешь, если бы он мог заранее вырастить здесь хоть что-нибудь, то о еде и одежде

можно было бы вообще не беспокоиться. Хотя его способность позволяла ускорять рост растений, сам он был абсолютно лишён боевых навыков и полностью зависел от других. А если бы он мог переместиться сюда целиком, то на протяжении всего апокалипсиса мог бы просто прятаться внутри.

Лин Цянь ещё не успел восхититься этим планом, как на него вылили ушат ледяной воды.

— Никаких шансов.

— Почему? Разве не достаточно будет просто регулярно кормить тебя кровью по расписанию?

— Ты забыл, почему я проснулся? Если ты спрячешься здесь, та компания поднимет бучу. Так что можешь делать здесь всё что угодно, при условии... — Фэн Цзыси перевернулся на другой бок и посмотрел на Лин Цяня сквозь окно. Оперевшись рукой о голову, он с улыбкой разглядывал его. Он и без того был хорош собой, а когда улыбался, уголки его глаз приподнимались, придавая лицу чертовски привлекательное выражение.

— При условии чего? — машинально переспросил Лин Цянь.

— Что ты меня ублажишь.

Опять всё свелось к началу. И как же его ублажать?

— Хм, тех ребят — ну, их просто нужно довести до экстаза. Что касается меня, тут всё гораздо проще: главное, чтобы я был сыт и выспался.

— ...Во мне вообще-то всего столько крови. — Ты что, хочешь высосать меня досуха?

— Куда тебя мысли унесли. Из-за того, что меня едва не разорвало на части небесной молнией при побеге, я теперь так много сплю. Если сможешь развить достаточную силу мысли, чтобы подпитывать меня, да ещё вдобавок подкармливать своей эссенциальной кровью, я буду постепенно восстанавливаться.

— И сколько потребуется?

— Когда дойдёшь до стадии Зарождения Младенца, наверное, сможешь помочь мне воссоздать тело. — Фэн Цзыси потер подбородок, задумчиво размышляя. Впрочем, доходить до самого Зарождения Младенца необязательно, стадии Великого Завершения Золотого Ядра тоже должно хватить, верно? Ладно, потом разберёмся.

— Ты явно перечитал романов про бессмертных, какое ещё Зарождение Младенца? — Лин Цянь скрестил ноги, усевшись на землю, и подумал, что каждое слово этого типа звучит просто

нелепо. Из-за пришествия апокалипсиса простые люди вроде них заразились вирусом. Часть человечества сумела побороть заразу и обрела особые способности, но на этом всё. А всякие там Базовые Создания, Золотые Ядра и Зарождения Младенца из историй о культивации — сплошные выдумки авторов.

— Культивация бессмертия действительно существует, просто я не один из тех мириадов смертных, что гонятся за Небесным Дао. — Фэн Цзыси с улыбкой смотрел на него, и в следующую секунду, пока Лин Цянь моргал, он уже стоял прямо перед ним.

Длинные волосы Фэн Цзыси слегка взметнулись и упали Лин Цяню на щеку. Тот почувствовал лёгкое щекотание и схватил прядь в горсть. Пряди оказались мягкими и прохладными на ощупь, ничем не отличаясь от человеческих.

— Что до тебя... пожалуй, ты не так уж плох. — Фэн Цзыси протянул изящный палец и приподнял подбородок Лин Цяня. Он смотрел на него так, будто леопард выслеживает добычу, отчего у Лин Цяня во рту мгновенно пересохло.

9.009 — Культивация

На самом деле он не упомянул об одном обстоятельстве: из трёх человек, чья энергия разбудила его, именно Лин Цянь обладал хоть какими-то шансами ступить на Великий Путь.

В этом мире духовная энергия была слишком разреженной, да и духовные корни у тех людей были замутнены — ни одного по-настоящему толкового зерна. Точнее говоря, те, кто разбудил его, обладали слишком слабыми задатками. Изначально он мог бы очистить их духовные корни, но сейчас едва заботился о собственной целостности — откуда у него браться силы на посторонних?

А этот парень перед ним... В прошлой жизни, будучи поцарапанным какими-то уродливыми тварями, он неожиданно пробудил скрытый потенциал организма и обрёл древесный духовный корень. Впрочем, выдающимся его талант назвать было нельзя: у него имелось три духовных корня, среди которых особенно выделялся именно древесный. Вторым по силе шёл водный, а третьим — огненный. Если бы удалось сжечь водный и огненный корни, вышел бы неплохой материал.

Фэн Цзыси оставил эти мысли при себе и лишь вздохнул. Удача парня была палкой о двух концах: едва найдя кого-то, кто мог бы культивировать и помочь ему вернуть тело, он обнаружил, что этот человек — всего лишь игрушка, избранная самим Небесным Дао.

В глазах Лин Цяня мелькнула радость:

— То есть... у меня есть шанс ступить на этот самый путь культивации и получить шанс на вечную жизнь?

— Теоретически говоря, всё верно.

— Тогда у тебя не найдется какой-нибудь техники для передачи? Вроде тайных фолиантов или ментальных рун?

Фэн Цзыси без церемоний пинул Лин Цяня в плечо, едва не опрокинув того на спину.

— Губа не дура, я ведь практикующий Путь Демонов.

Демоны — значит разрушение.

Починять чужие тела он не умел. Зато захватывать чужие оболочки — в этом он преуспел бы куда больше. Вот только нынешнему поврежденному духу с трудом удавалось поддерживать себя в сознании хотя бы ненадолго. Поэтому ему оставалось лишь толкать парня на праведный путь, пусть это и вызывало внутреннее сопротивление. Но поступить так было необходимо, чтобы по-настоящему выжить.

Если удастся под взглядом этого старика выкрасить паренька в чёрный цвет...

Фэн Цзыси подавил огонёк безумия в глазах и легко щелкнул пальцем. Лин Цянь почувствовал, как слабое белое сияние вливается в его мозг.

— Обе руки обнимают формулу Цзы-У, все четыре врата наглухо заперты посередине.

— Тысячи мыслей сливаются в пустоту, отклик порождает истинный смысл.

Дочитав до этого места, Лин Цянь резко открыл глаза и в шоке уставился на Фэн Цзыси:

— Это что?

Фэн Цзыси снова сладко зевнул, и его голос зазвучал ещё более небрежно:

— Обычный базовый заговор с уличного рынка мира культиваторов, никому не нужный мусор.

Именно так, обычный мусор. Подобный заговор мог достать кто угодно, дело было вовсе не в том, что он плох — просто ему недоставало эффективности. Почему все так отчаянно рвутся в крупные секты? Помимо лучших ресурсов, они ищут как раз первоклассные техники и ментальные руководства.

Сам Фэн Цзыси, когда-то натолкнувшись на эту книгу, по ошибке принял её за трактат по боевым искусствам. Будучи одарённым от природы, он с помощью столь простенького набора

фраз сумел сделать первый шаг на великом пути культивации. И лишь в двадцать три года, дойдя до стадии Основания Дюны, был принят в ученики проходившим мимо мастером.

При воспоминании о прошлом сонливость в глазах Фэн Цзыси немного рассеялась. Даже прожив несколько тысяч лет, подобные врезавшиеся в память события забывались не так-то просто.

— Больше ни о чём не спрашивай.

Рот Лин Цяня только приоткрылся, как плечо снова пронзила тупая боль, и когда он открыл глаза, вокруг не оказалось больше зелёных гор и чистых вод — он снова очутился в собственной гостинной.

Только что он долго блуждал в пространстве нефрита силой мысли, потратив слишком много времени. Вернувшись, он ощутил нехватку ментальной энергии, сопровождаемую головокружением. Отдохнув добрых полчаса, он наконец поднялся, побежал в спальню, открыл наглухо запертый шкаф и извлёк наружу свидетельство о праве собственности на квартиру.

Прихватив документ, Лин Цянь тут же бросился на улицу. Было около четырёх часов пополудни, агентства недвижимости ещё не закрылись.

Прямо в жилом комплексе, где жил Лин Цянь, располагалось несколько контор. Обойдя три из них, он навёл справки о расценках. В самом популярном и имевшем лучшую репутацию агентстве комиссионные составляли три процента от общей стоимости. Поискав в интернете, Лин Цянь убедился, что ставка довольно высокая.

Зато риелторы пообещали продать квартиру в течение недели: район у него был отличный, планировка удобная, к тому же его покойная мать Тан Сюпин при жизни страдала лёгкой формой перфекционизма и манией чистоты. Несмотря на то, что в квартире прожили больше десятка лет, выглядела она вполне свежо — так, словно в ней поселились всего года три-четыре назад.

Общая площадь квартиры составляла восемьдесят пять квадратных метров, но с учётом доли лестничных пролётов и подсобных помещений на руки выходило ровно шестьдесят восемь. Пусть жильё было не слишком просторным, для них с матерью его вполне хватало. Район удобный — получасовая поездка на велосипеде до ближайшего торгового квартала, рядом парк, транспортная развязка тоже не подкачала, так что товар пользовался спросом.

— Пусть планировка и маловата, но уверяю: за квадратный метр мы без проблем выучим около двадцати тысяч, пятнадцать тысяч — это абсолютный минимум, гарантирую. — Молодой риелтор махал ему рукой на пороге агентства. Парнишка оказался бойким на язык и чертовски приветливым: едва Лин Цянь переступил порог, как ему и воды налили, и вентилятор включили, отчего он даже немного смутился.

Хотя это агентство было последним из трёх, куда он заглянул, из-за дружелюбия паренька Лин Цянь решил остановиться именно на нём, пусть комиссия и кусалась.

Закончив с делами, он наконец почувствовал облегчение.

Лин Цянь вошёл в гостиную. В самом углу стояла траурная фотография его матери Тан Сюпин. Он влажной тряпкой аккуратно смахнул пыль с рамы, а затем опустился на колени на холодный мраморный пол. Уже семь лет он толком не видел материнского лица, не говоря уж о том, чтобы позаботиться о её портрете.

Хотя до апокалипсиса Лин Цянь протирал фото каждые два дня, с тех пор прошло... у него самого за плечами лежал семилетний перерыв.

Стоило только вернуться, как ему пришлось продавать квартиру, ради которой мать надрывалась больше десяти лет. Слова извинения долго крутились в голове, пока он наконец не выдал их с трудом:

— Мам, я виноват перед тобой. Сын непутёвый, едва выбравшись из того ада, сразу же пускает с молотка твои труды. Но у меня нет выбора, эта передышка продлится недолго. Мам, будь ты жива, ты ведь тоже не захотела бы, чтобы твоё жильё в конце концов разнесли полуживые твари, верно? Раз уж так сложилось, лучше пустить его в дело, чтобы я выжил. Мам, прости меня.

Лин Цянь прижался лбом к холодному полу, не щадя себя, и принялся усердно кланяться. В тишине пустой гостиной раздавались лишь глухие, ритмичные стуки.

Он поклонился двадцать девять раз, не сдерживая силы, и когда поднялся, его лоб покрылся сплошными синеватыми кровоподтёками.

— Мам, эту квартиру твой сын забирает.

Он встал, направился в спальню, чувствуя себя совершенно разбитым.

Лин Цянь пролежал на кровати довольно долго, прежде чем внутреннее напряжение немного спало. Внезапно вспомнив полученную от Фэн Цзыси формулу, он подскочил, уселся, скрестив ноги, и принял позу для медитации.

Обе руки обнимают формулу Цзы-У.

В школьные годы Лин Цянь часто натёкался на подобные описания в романах, поэтому из любопытства наводил справки и даже наивно принимал нужные позы. Так называемая формула Цзы-У представляла собой жест, при котором левая рука обхватывает правую в виде приветствия, причём большой палец левой руки закладывается в тигровую пасть правой и

надавливает на основание безымянного пальца правой руки; в то же время большой палец правой руки подгибается под большой палец левой и фиксирует средний сустав.

Он читал немало историй о культивации, а в своё время даже из интереса осилил пару трудов даосских мастеров, поэтому подобные термины не казались ему совсем уж чужими. Пусть за прошедшие годы память слегка подёрнулась дымкой, провозившись почти час, он всё же нащупал верный лад.

То ли из-за того, что в прошлой жизни Лин Цянь уже успешно преодолел телесные ограничения, то ли по какой другой причине, но едва он отыскал правильное положение и успокоил ум прошло и десять минут, как перед его внутренним взором проявились крошечные блуждающие точки белого света, висевшие в воздухе.

Разумеется, видел он их не обычными глазами, а ментальным зрением.

Если бы здесь присутствовал Фэн Цзыси, он наверняка лениво бросил бы на Лин Цяня взгляд и пояснил, что это духовная энергия. А что до силы мысли — он бы усмехнулся, назвав её первородной силой, присущей лишь тем культиваторам, которые при вступлении на Великий Путь начинают возвращать собственную уникальную энергию истока.

Хоть культиваторы и черпали энергию небес и земли для собственных нужд, им требовалось закалять и физическую оболочку. В процессе непрерывной закалки внешняя духовная энергия непрерывно устремлялась в тело, переплавляясь практиком в часть самого себя. И тогда эту первородную силу можно было использовать для контроля над окружающими потоками.

В общем-то, смысл сводился к одному и тому же, просто оба находились в разных мирах, оттого и терминология различалась.

Узрев те белые точки, Лин Цянь ощутил лёгкую радость. Но стоило этому чувству промелькнуть, как точки затрепетали и утратили стабильность. Он понял, что дело в утрате душевного покоя — именно поэтому образ распался. Он тут же подавил качнувшееся раздражение, направив собственную силу мысли на то, чтобы притягивать и улавливать белые точки.

Впитав эти частицы в тело, он принялся пропускать их через внутренний фильтр ментальной энергии, отсеивая примеси и оставляя лишь чистейшую субстанцию для слияния с силой мысли.

Лин Цянь повторял этот цикл раз за разом, а затем пускал новообразованную ци циркулировать по всему телу. Когда круг завершился, от изначального объёма ци осталось едва ли третья часть, тогда как остальные две трети равномерно рассеялись по меридианам, коже и мышцам, занимаясь телесной закалкой.

Выражаясь языком Фэн Цзыси, это называлось тренировкой плоти, суть которой сводилась к

обычному фитнесу.

Спустя неизвестное время Лин Цянь наконец открыл глаза. Он чувствовал необычайную бодрость, даже дыхание сделалось намного легче и свободнее.

Однако вместе с этим он ощутил слабый кисловатый запах пота.

10.010 — Рёбрышки в медовом соусе под рисом

Он поднял руку: погода стояла знойная, дома работал кондиционер, по идее, потеть он не должен был. Но всего за какой-то час кожа на руках покрылась тончайшим слоем чёрной грязи. Она была такой тонкой, что легко скатывалась пальцами, вот только душок от неё исходил скверный.

Лин Цянь соскочил с постели, вытащил из шкафа смену белья и отправился под холодный душ. Выйдя из ванной, он намеренно заглянул в зеркало. Раньше из-за дурных привычек в юности — телевизора, романов, монитора и ночных игр — зрение было изрядно посажено. Но теперь, глядя на собственное отражение...

Картинка словно стала чётче?

Лин Цянь нацепил старые очки и обнаружил, что стёкла силой в четыре диоптрии, которые раньше казались даже слабоватыми, теперь вызывают лёгкое головокружение.

— Боже, я и не знал, что эта практика лечит близорукость! — Лин Цянь шлёпнул себя по щекам, испытывая детский восторг.

Больше всего в прошлой жизни он жалел о том, что испортил глаза. В суматохе апокалипсиса сломанные очки починить было практически негде, а хрупкая оправа разлеталась при малейшей опасности. Из-за этого Лин Цянь частенько ходил вслепую, что только усугубляло дело: зрение падало всё сильнее. К моменту гибели он носил очки уже на восемь с лишним диоптрий.

И то, что зрение восстанавливалось, стало поистине приятным сюрпризом.

Вслед за этим в животе Лин Цяня раздалось громкое урчание. Он нажал на живот — тот оказался мягким и податливым, вваливаясь от малейшего нажима. Тут-то он и вспомнил, что с самого утра, не считая половины пачки печенья, кажется, вообще ничего не ел.

В голове моментально всплыли медовые свиные ребрышки, нежная тушеная зелень, пресный тофу и ароматный белый рис, от одного воображения которых во рту обильно заплывалась слюна.

— Ох, сколько же я не ел горячей нормальной еды, больше терпеть не могу! — с воплем выкрикнул Лин Цянь и бросился к холодильнику, откуда извлёк свежие ребрышки, купленные в тот же день, мягкий тофу и ярко-зелёные побеги овощей.

Сначала он зачерпнул полную ложку риса из кадушки, подумал секунду и добавил ещё одну.

Раз уж дома он один, готовить каждый раз заново слишком хлопотно, лучше сразу сварить побольше.

<http://bllate.org/book/21387/2180247>